

П.А. СТОЛЫПИН И ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Политические противники П.А. Столыпина обвиняли его в защите интересов помещиков. Став постулатом в советский период, это мнение не исчезло из историографии и публицистики и в постсоветское время. Так, по словам К.Ф. Шацилло, суть столыпинской аграрной реформы «сводилась, в отличие от всех других программ, к безусловному сохранению помещичьего землевладения»¹. А.М. Анфимов полагал, что сохранение дворянского землевладения «ставилось главной целью аграрной политики Столыпина»². В том, что «столыпинская реформа слишком откровенно была направлена на сохранение помещичьего землевладения», не сомневался и В.П. Данилов³. Историкам, свободным от идеологических клише, отношение Столыпина к дворянскому землевладению видится иначе. Так, американский исследователь А. Эшер полагает, что программа Столыпина «не предусматривала сохранение помещиков как привилегированного класса»⁴. М. Хильдермайер делает аналогичный вывод: «Законодательные проекты 1906 и 1907 гг. должны были препятствовать “черному переделу” и обеспечивать правовой переход дворянской земли в крестьянское “пользование”»⁵. Подобного мнения придерживается и Н.Л. Роголина: «П.А. Столыпин проводил не корпоративную, а институциональную политику, направленную на рост новых хозяйственных форм в процессе органической рыночной трансформации. Премьером двигало понимание причин оскудения обоих классов земледельческих сословий, уверенность, что нужно другое хозяйство, как помещичье, так и крестьянское. Программа Столыпина не предусматривала сохранение помещиков как привилегированного класса. Усиленная мобилизация крестьянских наделов и распродажа дворянских имений выступали как две стороны одного процесса – естественного разрушения общинного, натурального хозяйственного строя»⁶.

Утверждение о помещичьем характере столыпинской политики не соответствует действительности. Как видно из всеподданнейшего отчета саратовского губернатора за 1904 г., Столыпин не только признавал факт крестьянского малоземелья, но и считал его одной из причин «неблагополучия» крестьянства; поэтому среди мер, способных «вывести крестьянское население из... ненормального положения», указывал и на расширение площади крестьянского землевладения⁷. Революционные события 1905 г. укрепляют его в таком мнении и побуждают к действиям. По свидетельству старшей дочери, он пришел к выводу, что «не в крупном землевладении сила России», что «большие имения отжили свой век», а «опора России не в них, а в царе»⁸. Скепсис Столыпина в отношении помещичьего хозяйства подтверждает и И.И. Тхоржевский: по его словам, Петр Аркадьевич знал, что «возможности крупного сельского хозяйства в России драгоценны, но ограничены, а главная опора русского благополучия все-таки свободное крестьянское хозяйство»⁹.

Столыпин пытался воздействовать в этом плане на саратовских помещиков (он продал свое нижегородское имение Крестьянскому банку, надеясь, что это послужит примером для других) и скоро убедился, как мало склонны они поступаться своими интересами в пользу крестьян. Так, саратовское имение одного из крупнейших в России землевладельцев гр. С.Д. Шереметева, Баланда (32 115 десятин, из которых около 9 тыс. десятин пашни сдавалось в аренду крестьянам), осенью 1905 г. подверглось страшному разгрому. 22 октября Шереметев телеграммой просил у Столыпина «раследования и ограждения». Губернатор направил в Баланду роту пехоты с приказанием «принимать крайние меры». 24 октября Шереметев телеграфировал: «Сердечно

* **Бородин Анатолий Петрович**, доктор исторических наук, профессор Института (филиала) Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Кирове.

благодарю. Уверен, что Русь выдержит тяжелые испытания и победит верою, правдою и любовью». Но спустя полгода Шереметев недоумевал, зачем ему советуют продать часть земли крестьянам. «Из письма Вашего превосходительства от 21 марта, – писал он Столыпину 27 марта 1906 г., – усматриваю некоторое недоразумение. Вам угодно было в письме Вашем сослаться на намерение мое продать землю при имени моем Баланде, и Вы просите о моем доброжелательном отношении к делу земельного устройства баландинских крестьян, причем ссылаетесь, что это значительно содействовало бы успокоению местного крестьянского населения. Такого намерения моего высказано не было»¹⁰.

В начале петербургского периода своей карьеры Столыпин обнаруживает готовность переступить через интересы помещиков. По словам А.И. Гучкова, он, понимая, что создание «класса зажиточных крестьян-собственников» затронет интересы помещиков, «ибо предложение труда в деревне уменьшится», говорил: «Пусть помещики перестроят свое хозяйство, это их дело»¹¹. «Столыпин был представитель государственной идеи, – утверждал Гучков. – Государство нуждается в богатом крестьянине, а если благодаря этому помещики не могут иметь крестьянский труд – пусть перестроятся. Он к этому пришел, видимо, давно»¹². По свидетельству В.И. Гурко, премьер-министр считал, «что и в области земельного вопроса необходимо сделать довольно существенные уступки требованиям, провозглашенным распущенной Государственной думой», и даже заявил А.А. Бобринскому «в первое время своего премьерства»: «А вам, граф, с частью ваших земель придется расстаться»¹³. Гурко подозревал, что Столыпин «готов был принять и земельную реформу кадетской партии»¹⁴. Действительно, летом 1906 г., убеждая Н.Н. Львова стать во главе Главного управления землеустройства и земледелия, Столыпин говорил: «Нет предела тем улучшениям, облегчениям, которые я готов дать крестьянству для того, чтобы его вывести, я даже не так уже расхожусь с кадетской программой, я только отрицаю массовое отчуждение, я считаю, что нужно другими мерами этого достигнуть, в смысле увеличения крестьянского землевладения. Я только не могу теми путями идти, которые указаны в кадетской программе»¹⁵. Уверяя Львова, что готов на «все, что требуется в смысле государственных жертв, чтобы расширить площадь крестьянского земледелия, [предоставить] льготы по покупке земель», Столыпин заявлял: «Если только нам эта земельная реформа не удастся, то всех нас надо гнать поганым помелом». «Он указывал, – вспоминал Гучков, – что между Львовым и им разницы по существу нет большой, он не допускает революционного элемента в эту реформу»¹⁶. К близкому выводу приходят и некоторые современные исследователи. «Столыпин и другие, включая самого царя, – полагает Д. Мэйси, – продолжали считать (имеется в виду время I Думы. – А.Б.), что та или иная форма принудительного отчуждения является вероятной политической необходимостью»¹⁷. Председатель Совета министров, утверждает В.Г. Тюкавкин, «поначалу не отказывался от мысли передать законодательным путем часть земли крупнейших латифундистов крестьянам, т.е. частично осуществить проект Кутлера»¹⁸.

Примечателен в этом отношении циркуляр премьер-министра от 15 сентября 1906 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам. Предупреждая, что «все социалистические фракции направили ныне усилия агитации в крестьянскую среду», и напоминая, что «почвою для успеха пропаганды в этой сфере является стремление сельского населения к увеличению земельного надела», Столыпин потребовал от местных властей принять «меры к возможно быстрому устранению тех экономических причин, на которые опирается агитация». При этом подсказывал в ряду других и такие меры: «Если в данной местности пошли в ход сделки по продаже крестьянам помещичьей земли при посредстве Крестьянского банка, или путем непосредственных купчих, то местному начальству необходимо напрячь все силы к возможно скорейшему окончанию этих сделок, с обращением к содействию центральных учреждений для оказания решительного содействия в этом вопросе». Начальствующим лицам рекомендовалось оказывать давление на помещиков и их управляющих, если они «чрезмерною требовательностью» создают поводы к брожению или отказываются «удовлетворить легко осуществимые желания крестьян»¹⁹.

За спиной Столыпина стоял царь, в позиции которого произошла существенная перемена: если весной 1905 г. «закон о свободном выходе из общины в целях насаждения личной собственности крестьян на надельную землю» представлялся ему «преждевременным», то в июле 1906 г. Д.Ф. Трепов и В.Б. Фредерикс, по свидетельству А.А. Половцова, утверждали, что «государь вполне разделяет» мысли о необходимости «немедленно взяться за крестьянский поземельный вопрос» и от его имени «объявить крестьянам, что за уничтожением выкупных платежей каждый член общины делается полным собственником своего надела», а кроме того царь желает при посредстве Крестьянского банка облегчить крестьянам приобретение земель и переселение²⁰.

По совету премьера Николай II начал с себя. Решиться на это царю было нелегко: многие в семье не были склонны его поддерживать. Вдовствующая императрица писала ему: «Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня мучает и беспокоит. Это насчет кабинетских и удельных земель, которые эти свиньи хотят отобрать по программам разных партий... Это такой важный вопрос, что об этом не могу молчать. [Нужно,] чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и непоправимой ошибкой уступить здесь хоть одну копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождения этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, но нужно, чтобы все были в этом убеждены»²¹.

30 июля 1906 г. Николай II собрал у себя наиболее влиятельных представителей Императорской фамилии и «сказал, что аграрное движение, охватившее всю Россию, побуждает его подумать о том, что царствующему дому следует стать во главе уступок земли неимущим крестьянам, уступок, предполагаемых и в Государственных имуществвах, и в кабинетских владениях, и в насильственном отчуждении частновладельческих земель, решаясь на продажу крестьянам 1 800 000 десятин удельной земли, состоящей у крестьян в аренде». Вел. кн. Владимир Александрович «горячо ополчился на это предложение, говоря, что, если надо принести жертву, то следует зрело обдумать, насколько она будет целесообразна и кого удовлетворит, что если эта мера является только уступкой дерзким заявлениям, высказанным в бывшей Государственной думе, то следует помнить, что уступки никого не удовлетворяют; что мы видели за последний год, к чему привели уступки, и что если на требование отдать руку – уступишь, то доберутся и до головы». Через десять дней к вопросу пришлось вернуться. Теперь его обсуждали уже «со всеми наличными членами семьи и министрами». Вел. кн. Николай Михайлович «предложил, ввиду политической необходимости, пойти навстречу безземельным крестьянам, и не продавать арендуемой земли, а пожертвовать ее». «Но, – отметил вел. кн. Константин Константинович, – вникнув в это предложение, пришли к заключению, что жертва будет настолько ощутительна для некоторых членов семьи и что потеря доходов настолько сократит наше содержание, что жертвовать невозможно. Решили все-таки землю продавать»²². Добиться от царской семьи такого решения было очень нелегко. «Всего труднее Столыпину было получить согласие царской семьи на отчуждение удельных земель, – пишет Гурко. – Государь, справедливо признавая, что удельные земли составляют собственность всего русского императорского дома, не хотел решить этого вопроса единолично. По этому поводу Столыпин мне рассказывал, что он ездил специально с этой целью к великому князю Владимиру Александровичу и его супруге Марии Павловне, и сколь неохотно они выразили свое согласие»²³. Это подтверждает и А.В. Герасимов: «Прежде всего пришлось преодолевать сопротивление великокняжеских кругов, высказавшихся против отчуждения кабинетских и удельных земель. Государь поддерживал в этом вопросе Столыпина и лично говорил в его пользу со всеми великими князьями. Упорнее других сопротивлялся великий князь Владимир Александрович, не сдававшийся на убеждения царя. По указанию царя, Столыпин лично повидал великого князя и доказал ему, насколько проектируемая аграрная реформа необходима. Великий князь с доводами Столыпина в конце концов согласился»²⁴.

Кабинетские земли Алтая (здесь решение определялось волею одного Николая II) были отданы под переселенцев даром, без всякого выкупа от казны²⁵.

Компромисс оказывался неизбежным, приходилось уступать чрезвычайным обстоятельствам и соглашаться на меньшее зло, чтобы избежать большего. Кн. Б.А. Васильчиков, назначенный 27 июля 1906 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием, вспоминал: «Не только по своему положению как крупный землевладелец, но и по убеждениям я был аграрий; я отчетливо сознавал политическую и экономическую полезность, наряду с другими формами землевладения, крупного капиталистического землевладения; и я в качестве предводителя всегда ратовал за его ограждение от распыления, за сохранение на местах дворянского элемента. В качестве министра мне пришлось сразу же осуществлять программу обратного свойства, содействовать усиленной скупке Крестьянским банком помещичьих земель и прилагать руку к упразднению, как последствие погромов и порожденной ими паники, культурнейших, созданных поколениями хозяйств. Я осуществлял эту часть программы добросовестно, но, признаюсь, без всякого энтузиазма»²⁶. А.В. Кривошеина, назначенного 21 мая 1908 г. на место ушедшего Васильчикова, «заботило совсем другое: он хотел как можно больше земель продать крестьянам»²⁷.

Кадеты, со своей стороны, считали, что их аграрный проект «неправильно было бы ставить на одну доску с утопическими проектами других левых групп и что, при некоторой дозе доброй воли, и само правительство могло бы найти приемлемыми все его основные черты». В обоснование последнего указывалось на следующее. Во-первых, «Столыпин признал одной из основных задач реформы расширение площади крестьянского землевладения за счет казенных, удельных, купленных банком, а в необходимых случаях и находящихся в частном владении земель». Во-вторых, Главное управление землеустройства и земледелия в конце 1906 г. составило записку, «в которой начало принудительного отчуждения проводилось в еще более широких размерах». «Землеустроительный вопрос, – говорилось в ней, – во всей своей полноте, приобретает значение общегосударственного вопроса первостепенной важности и в таком его значении должен быть трактован, привлекая к себе государственные средства и подчиняя себе частные интересы, включительно до обязательного отчуждения частной собственности в тех случаях, где того потребует естественное развитие землеустроительных задач». «Положение крестьянского земельного строя», утверждалось в записке, грозит «опасностями и бедствиями государству», поэтому последнее «должно выступить во всеоружии» своего права принуждения. Признавалось «справедливым, чтобы крестьяне получали экспроприруемую землю по цене, меньшей того вознаграждения, которое будет уплачено прежнему владельцу, и чтобы эта разность упала на общегосударственные средства»²⁸. При этом кадеты подчеркивали, что «принудительное отчуждение частной собственности при разрешении крестьянского земельного вопроса... едва ли правильно», что эта мера «окрашивается в цвет социализма»²⁹.

Позиция Объединенного дворянства была иной. 18 марта 1907 г., накануне обсуждения аграрного вопроса во II Думе, Постоянный совет изложил «определенный, и уже неоднократно высказываемый, взгляд»: «Дворянство без земли не имеет уже значения государственной силы, а потому земля не может быть насильственно от него отнята,... помимо этого, аграрный вопрос возникает не из малоземелья крестьянского, а из его плохого экономического состояния и разрешается поднятием этого благосостояния, т.е. доставлением крестьянству большего количества не земель, а средств»³⁰. И, конечно, не кадеты были причиной дворянских тревог и протестов против «принудительного отчуждения» помещичьих земель. Пугало дворян правительство, взявшее курс на создание класса крестьян-собственников как новой опоры самодержавия. Еще 17 февраля 1907 г. самарский губернский предводитель А.Н. Наумов поднял в заседании Постоянного совета вопрос о «революционизирующей деятельности» землеустроительных комиссий: «Члены от правительства в этих комиссиях разъясняют крестьянам, что задача комиссий устроить их землевладение», для чего в случае необходимости «можно взять землю и у помещика и что так этого хочет государь». Не без оснований усматривая в этом исходя-

шую от комиссий угрозу принудительного отчуждения, но не подозревая, видимо, худшего, Наумов считал необходимым «заблаговременно предупредить правительство»³¹.

Однако выступление кн. Б.А. Васильчикова в Государственной думе, в котором он обмолвился о принудительном передвижении границ для качественного и количественного улучшения условий крестьянского землевладения, побудила Постоянный совет обратиться к нему за разъяснениями. Васильчиков объяснил, «что под напором совершающихся событий и революционной волны все равно нельзя будет не идти на некоторые уступки в целях удовлетворения нужды крестьян», и на прямо поставленный вопрос, «допустима ли будет в землеустроительных целях... прирезка недостающего количества из состава соседнего землевладения, кн. Васильчиков ответил, что в этих случаях обязательное отчуждение допустимо». Постоянный совет, расценив это как нарушение права собственности «в целях пополнения крестьянского малоземелья», постановил ознакомиться с законопроектом правительства и, если его редакция подтвердит заявление Васильчикова, поставить вопрос на съезде уполномоченных³². На III съезде уполномоченных весной 1907 г. речи по этому вопросу были полны пессимизма. «Правительство, – сетовал уполномоченный тверского дворянства В.Л. Кушелев, – заигрывает с теми слоями населения, на которые оно надеется опереться, и конечно правительство пожертвует нами в пользу крестьян, если почувствует, что на них может опереться. Тогда оно готово будет завтра им объявить, что отдаст им всю нашу землю»³³. Видный представитель правых член Государственного совета от курского земства кн. Н.Ф. Касаткин-Ростовский приходил к неутешительному заключению: «Я как член [Постоянного] Совета не могу (извиняюсь перед гр. Бобринским) так оптимистически смотреть на разъяснение, которое мы получили по поводу слов кн. Васильчикова. Я вышел после этого разъяснения совсем неспокоенным, напротив того, не только в словах кн. Васильчикова, но и в самом проекте я вижу те задатки, которые по всей вероятности приведут к фактической экспроприации нашей собственности. Поэтому я не могу сказать вам, когда вернетесь домой: “будьте спокойны, все хорошо”. Нет, все очень скверно и скажу не только в одном этом проекте, но и в проекте преобразования земских учреждений. Я лично прихожу к заключению, что правительство нас предаст»³⁴. Не было уверенности и в поддержке со стороны царя. «Если в минуту слабости государь на это (т.е. принудительное отчуждение земли. – *А.Б.*) пойдет, – были уверены дворянские уполномоченные, – он потеряет последних своих сторонников, и монархия не уцелеет»³⁵.

Не успокоило дворян и разъяснение вопроса Столыпиным во II Думе 10 мая 1907 г. Премьер-министр, по существу, подтвердил слова своего министра: «Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими землей, оно представляется возможным тогда, когда необходимо при переходе к лучшему способу хозяйства – устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы». Излагая здесь же план создания государственного земельного фонда для расширения площади крестьянского землевладения, глава правительства не скрывал своего намерения воспользоваться трудным положением помещного дворянства: «Государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли... При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы»³⁶.

Массовый переход помещичьей земли в руки крестьян продолжался, и Объединенное дворянство было уверено, что процесс этот подталкивается правительством. А.В. Цеклинский, бывший 22 января 1911 г. вместе с И.Ф. Кошко на обеде у А.А. Столыпина, «не ручаясь за точность слов, а [ручаясь] за содержание сказанного», так передавал высказывания захватившего к брату премьера: «Освободили крестьян в 61 г. и успокоились, не считаясь с эволюцией его мировоззрения и разрастающимся постепенно в России социальным движением. Земля, сосредоточенная в руках “помещиков-тунеядцев”, эксплуатирующих крестьян-арендаторов, конечно, крупный козырь в

руках социалистов для подкапывания под государственность. Что-то надо было противопоставить разрушительному их влиянию. Лозунги, обещания – им не верят. Силу казачков? Палка о двух концах, и эта мера действительна до поры до времени. Надо создать крестьянина-собственника, освободить от общины, дать кредит. Собственность свою крестьянин будет ценить и защищать. Инициативы и энергии у русского мужика непочатый край. Надо их использовать. Привить крестьянину-собственнику социализм – не удастся, он станет бóльшей опорой монарха и осознает свою родину. Попутно, конечно, самое серьезное и широкое содействие деревне агрономической помощью и мелким кредитом. Ответственность кармана в учреждениях мелкого кредита будет заставлять думать, разовьет самодеятельность. Мало земли у крестьянина – да, но у нас есть земельный фонд у Крестьянского банка, ресурсы государства, да я считаю, что близко уже то время, когда нам придется стать перед вопросом экспроприации частновладельческих земель. Что меня ждет в последнем случае, если указ 9 ноября 1906 г. и закон о земстве в Юго-западном крае вызвали такую бурю и нападки на меня!»³⁷.

Разумеется, речь шла об экспроприации с оплатой отчуждаемого. Однако и такой вариант несколько смущал Столыпина: ведь без уверенности в прочности частных прав страна не могла развиваться. Поэтому премьер-министр добивался добровольной экспроприации: Крестьянский банк так поднял цены на землю, что помещики стали предпочитать продажу имений риску самостоятельного хозяйствования. «Распродажа помещичьих земель идет, а следовательно, усиливается слой буржуазного, “спокойного” крестьянства», – констатировал в марте 1906 г. В.И. Ульянов (Ленин)³⁸. В 1906–1907 гг., пишет Анфимов, «помещики выручали за десятину по 95 руб., а в последующие годы – по 113 руб. Рост земельных цен и стал, вместо прежнего страха, главным побудительным мотивом продажи»³⁹. «После первой революции, – признает исследователь, – число продавцов [помещиков] не сократилось, как, логично рассуждая, можно было ожидать, а наоборот, возрастало»⁴⁰.

Было в правительстве и понимание того, что та или иная форма экспроприации лишь усилит требования крестьянами земли, ибо отчуждением не только части, но и всей помещичьей земли, по словам Гурко, «так называемого земельного голода утолить нельзя»⁴¹. «Программа передачи всех земель была проведена после 1917 г., – отмечает Тюкавкин. – Прибавка земли оказалась много меньше, чем рассчитывал В.И. Ленин... Ликвидация помещичьих и крупных частновладельческих хозяйств привела к снижению средней урожайности, разгрому многих передовых экономий и т.п.»⁴².

Параллельно с облегчением выхода из общины, вспоминал В.Н. Коковцов, глава правительства «поставил вопрос о расширении деятельности Крестьянского банка и о более активном вмешательстве его в удовлетворение крестьянской нужды на земле... И Столыпин, и Кривошеин требовали от меня... большей активности в разрешении посреднических сделок крестьян с банком, против которых мне не было ни малейшего повода возражать»⁴³. Помещики оказались в непрестом положении. «Создавшееся отношение крестьян к помещикам сделало невозможным не только жизнь в имении и ведение сельского хозяйства, но даже и арендное пользование имением и вынуждало владельца продать имение. Главным покупателем имений явился Крестьянский земельный банк, который при всей неустойчивости своих тенденций, довел покупную стоимость земли до той цены, при которой капитал, вырученный за имение, дает более дохода имения; с этого времени и началась усиленная продажа имений». Было и еще одно обстоятельство: «Всеми давно признано, что банкам ипотечным, коммерческим и даже Государственному приходится платить за ссуды такие проценты, которые сельскохозяйственная промышленность выдержать не может... Доступного и дешевого кредита у помещиков-дворян до сих пор нет»⁴⁴. В результате, по свидетельству Коковцова, «предложение помещичьих земель к продаже крестьянам стало весьма значительным и в некоторых местностях далеко превышало местный спрос крестьян на землю». В этих условиях у министра финансов возникает мысль, «тотчас же» подхваченная Столыпиным и Кривошеиным, «о необходимости самому Банку покупать эти земли в собственный фонд для распродажи их потом крестьянам по мере выяснения потребности в них для других местностей»⁴⁵.

Не случайно деятельность Крестьянского банка стала объектом резкой и все усиливающейся критики со стороны землевладельцев. Уже в октябре 1906 г. П.П. Дурново, владелец 123 тыс. десятин земли в 8 губерниях, участвуя в работе так называемой «экстраординарной сессии группы центра Государственного совета», усмотрел в указе 3 ноября 1905 г. о расширении деятельности Крестьянского банка «опасный шаг со стороны правительства», «посягательство на священные права собственности», намерение передать «собственность помещиков... в другие руки». «Наводит страх то, – говорил он, – что раз удельное имущество может быть продано крестьянам, то и частное имущество могут продать, издав соответствующий указ. Такое покушение идет вразрез с нашим понятием о собственности»⁴⁶. «Ликвидация помещьего хозяйства, – констатировал Н.А. Энгельгардт, – действительно, совершается весьма успешно»⁴⁷. Обратил внимание на «зловредную деятельность Крестьянского банка» и II съезд Объединенного дворянства в ноябре 1906 г.⁴⁸ Союз земельных собственников нашел, что «политика нынешнего времени» губит «частновладельческое хозяйство и всю культуру страны из страха пред призраком народных волнений»⁴⁹. Гурко на IV съезде Объединенного дворянства подверг развернутой критике аграрную политику Столыпина: «Одно из двух: или переход земель частновладельческих в руки крестьян отвечает пользе всего государства или наоборот: переход частновладельческих земель в руки крестьян в значительном количестве не отвечает пользе государства, так как уменьшает ее качественную ценность; именно на этой почве и было всецело отрицаемо правительством [И.Л. Горемыкина] принудительное отчуждение. Но какая разница в том, каким путем нам снять голову»⁵⁰. В докладе на V съезде Объединенного дворянства он, имея в виду «энергичную скупку частновладельческих земель Крестьянским банком», характеризовал деятельность последнего как «самое энергичное осуществление на практике социал-революционной земельной программы»⁵¹.

Настороженно отнеслись к деятельности Крестьянского банка и в Государственном совете при рассмотрении законопроекта о предоставлении ему возможности продолжать покупку и продажу земель за свой счет. Особая комиссия сократила, вопреки всем доводам Коковцова и Кривошеина, это право до 2-х лет (правительство предполагало сделать его постоянным, а Дума определила его в 5 лет), и только в общем собрании составилось большинство, достаточное для одобрения думской редакции. Противники законопроекта даже в посреднической деятельности Крестьянского банка усмотрели «неосторожное вторжение правительственной власти в естественный порядок постепенного перехода земель из рук крупных владельцев к мелким собственникам». Покупка же банком имений за свой счет для продажи их крестьянам признавалась «нежелательным и опасным посягательством на сложившееся издавна распределение хозяйственных сил страны»: «не имея государственного значения», она лишь ускоряет «уничтожение среднего землевладения». Лидер правых П.Н. Дурново полагал, что «быстрейший и мало обоснованный переход земельной собственности из рук среднего и крупного землевладения в руки крестьян нежелателен... Во многих уездах России нельзя найти выборного уездного предводителя, число помещиков постепенно падает и падает»⁵².

В своем неприятии аграрной политики правительства правые были поддержаны слева. Социал-демократ Н.И. Иорданский писал: «Аграрная реформа нынешнего министерства – прямой результат той энергичной, хотя и кратковременной борьбы за землю и волю, которую вели первые народные представители против старой власти. Государственная дума обнаружила такую напряженность и глубину народного движения, что даже после победы 8 июля правительство не могло сохранить в неприкосновенности своих традиционных позиций и вынуждено было решительно отказаться от пресловутой декларации министерства г. Горемыкина. Оно сделало это без лишних слов, с деловитостью, по меткому замечанию Лассалья, присущей всем людям реакции... Как ни старалось правительство уклониться от нарушения прав частных владельцев, оно должно было признать, после роспуска Государственной думы, необходимым отчуждение помещичьей земли. Но это отчуждение было не тем отчуждением, о котором заботились революционные партии, и даже не тем отчуждением,

которое имело в виду конституционно-демократическое большинство Государственной думы. Реакционная власть, принимая на себя задачу развязать узел аграрных отношений современной России, прежде всего, конечно, поставила целью оградить интерес крупного привилегированного землевладения и установила добровольное отчуждение частновладельческой земли при посредстве Крестьянского банка... Правительство, опирающееся на крупных землевладельцев, проникнутое не только классовыми, но и сословными тенденциями, естественно, прибегает к добровольному выкупу, как к наиболее выгодной для себя форме неизбежной при развитии революции экспроприации частновладельческой земли»⁵³. Не упустил случая выступить и П.Н. Милюков: проект Столыпина, по его выражению, «“экспроприрует” казну в интересах 130 000 владельцев»⁵⁴.

Между тем преимущества такого способа мобилизации земли в пользу крестьян очевидны: земля переходила «из рук плохих хозяев» (хорошо поставленные, рентабельные хозяйства сохранялись) «не в руки каждого случайного крестьянина, а в руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за ее надлежащее использование»⁵⁵, что позволяло обеспечить хлебный экспорт и не обрушить международный курс рубля; банк «не допустил обесценивания продаваемых частновладельческих имений», предупредил «искусственный подъем продажной стоимости земли, когда спрос на нее со стороны крестьян повысился», предотвратил «скупку за бесценок земли разного рода спекулянтами»⁵⁶; земля не приобретала свойств воды и воздуха, сохранялся «стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться»⁵⁷; государство, удерживая перераспределение земли в своих руках, подчиняло его своим интересам.

Примечания

¹ Шацлло К.Ф. Николай II: реформа или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–XX вв. М., 1991. С. 358.

² Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 104.

³ Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 37.

⁴ Цит. по: Корелин А.П. Отвергнутый реформатор. URL: <http://www.mubiu.ru/istoria/14/litr/korelin/htm>.

⁵ Хильдермайер М. Возможности и рамки аграрного социализма в русской революции // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992. С. 146.

⁶ Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 42.

⁷ Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 год // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 83–87.

⁸ Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 92, 126.

⁹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 118.

¹⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5069, л. 158–159, 180–181; д. 2999, л. 230, 282, 355.

¹¹ Из воспоминаний А.И. Гучкова // Новый журнал. Кн. 161. Нью-Йорк, 1985. С. 180.

¹² Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 170.

¹³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 582, 583.

¹⁴ Там же. С. 583.

¹⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 192.

¹⁶ Там же. № 12. С. 170–171.

¹⁷ Мэйси Д. Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 12.

¹⁸ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 211–212.

¹⁹ Красный архив. 1929. № 1(32). С. 163–164.

²⁰ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 304. Примечание 30; Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 118–119. См. также: Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 168.

²¹ Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 188.

- ²² Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. Т. 2(45). С. 126–127; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 326, 328.
- ²³ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 583.
- ²⁴ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С. 157.
- ²⁵ *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С. 117.
- ²⁶ *Васильчиков Б.А.* П.А. Столыпин, его реформа и мое участие в ней // Наше наследие. 2002. № 63–64. С. 122.
- ²⁷ *Тюкавкин В.Г.* Указ. соч. С. 146.
- ²⁸ Так в действительности и было: «Банк платил больший процент по своим обязательствам, чем платили ему крестьяне. Разница в платежах покрывалась субсидиями из бюджета» (*Румянцев М.* Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги // Вопросы экономики. 1990. № 10. С. 66).
- ²⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 603–604.
- ³⁰ ГА РФ, ф. 434, оп. 1, д. 76, л. 106 об.–107.
- ³¹ Там же, л. 80–80 об.
- ³² Там же, л. 109–112.
- ³³ Труды третьего съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 262.
- ³⁴ Там же. С. 266.
- ³⁵ Там же. С. 263.
- ³⁶ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 95–96.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 753, л. 8 об.–9.
- ³⁸ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 12. С. 212.
- ³⁹ *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 103.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Что есть и чего нет в воспоминаниях графа С.Ю. Витте // Русская Летопись. Кн. 2. Париж, 1922. С. 128.
- ⁴² *Тюкавкин В.Г.* Указ. соч. С. 302–303. См. также: *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 357.
- ⁴³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 1. Париж, 1933. С. 227.
- ⁴⁴ Докладная записка самарского дворянина А.Ф. Виноградова (ОР РНБ. Русский фонд. 37.54.1.680. С. 4–5). Цитирована А.Н. Наумовым в его докладе V съезду Объединенного дворянства (О капитализации из 4% благотворительного налога при продаже дворянских земель. СПб., 1909. С. 5).
- ⁴⁵ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 228–230.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 1178, оп. 1, д. 10, л. 62.
- ⁴⁷ *Энгельгардт Н.А.* Современная летопись // Русский вестник. СПб., 1906. Октябрь. Т. 305. С. 769–770.
- ⁴⁸ Труды второго съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 31 губерний. СПб., 1907. С. 98–100.
- ⁴⁹ Записка Центрального Совета Союза Земельных Собственников о деятельности Крестьянского банка. СПб., 1907. С. 4.
- ⁵⁰ Труды IV съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 138.
- ⁵¹ Труды V съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 51.
- ⁵² РГИА, ф. 1162, оп. 4. 1910–1911, д. 9, л. 237 об.–238, 240 об., 246 об.; Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1910–1911 годы. Сессия шестая. СПб., 1911. Стб. 1085–1091, 1120–1123, 1136–1138.
- ⁵³ *Ник-ский.* Крестьянство и старый порядок // Современный мир. 1906. № 10. С. 11, 13, 16 (2-я пагинация).
- ⁵⁴ Речь. 1907. 15 мая.
- ⁵⁵ Цит. по: *Проскуракова Н.А.* Столыпинская реформа: выход из кризиса // Отечественные записки. 2004. № 1(15). С. 169.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 89.